

УДК 93

МРНТИ 03.20

DOI 10.37238/2960-1371.2960-138X.2025.98(2).75

Сергалиев М.Х.**РГУ «Институт истории государства» КН МНВО РК, Астана, Казахстан**

E-mail: sergaliev68@gmail.com

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ: «ОТТЕПЕЛЬ» В КАЗАХСТАНЕ

Аннотация. В настоящей публикации на основе архивных материалов бывшего КГБ Казахской ССР раскрываются малоизвестные (неизвестные) аспекты т.н. «оттепели» - периода десталинизации в Казахстане. Благодаря рассекреченным документам читателю предоставляется возможность расширить представления о наших известных и не очень соотечественниках, увидеть их порою в неожиданном ракурсе. Особое внимание уделено деятельности в 1960-е гг. студенческого общественного объединения «Жас тулпар» во главе с Муратом Ауэзовым (1 января 1943 г. – 14 июня 2024 г.)

Ключевые слова: оттепель; Бекмаханов; историческая память; репрессии; Жас тулпар; Мурат Ауэзов; политическая история.

Введение

«Оттепель» как исторический термин.

«Оттепель» или «хрущевская оттепель» в понимании советской истории – неофициальное название десятилетия (сер.50-х – сер.60-х XX в.) время правления Н.С. Хрущева, характеризующееся осуждением культа личности Сталина и репрессий, освобождением политзаключенных, смягчением тоталитаризма, ослаблением цензуры, относительной либерализацией политической и общественной жизни, большей свободой творчества и открытостью западному миру. Претендующих на первенство применения слова «оттепель» в его историческом значении, – немало. Советское словоупотребление восходит к повести И. Эренбурга с одноименным названием, быстро ставшего нарицательным; на Западе «оттепель» и сегодня служит синонимом десталинизации в широком смысле.

*Материалы и методы исследования**Источники исследования.*

Обращение к теме оттепели оставляет противоречивые впечатления. С одной стороны, она относится к категории научно разработанных. Список авторов, исследовавших и продолжающих работать над этой темой – историков, политологов, представителей творческой сферы, можно сказать, безграничен. О первых годах постсталинизма писали историки (В.Н. Земсков [1], А.А. Фокин [2, с.100-108], А.Е. Локшин [3, с.155-168], О.Н. Калинина [4, с.259-269], А.В. Захарченко [5, с.297-311], Г.В. Костырченко [6, с.503-514], И.Б. Орлов [7, с.610-619], В.В. Тихонов [8, с.628-637], О. Хлевнюк [9]), исследователи спецслужб (В. Хаустов [10], В.С. Христофоров [11]). Кроме того, этот интересный исторический период частично описывается в мемуарах Д. Кунаева [12], экс-председателей КГБ И. Серова [13] и В. Семичастного [14].

Безусловно, период «хрущевской оттепели» подарил миру новые произведения в живописи, музыке, литературе: достаточно назвать имена поэтов Л. Мартынова, Е. Евтушенко, А. Вознесенского, Р. Рождественского, Б. Ахмадуллиной, писателей Б. Пастернака («Доктор Живаго», принесший Нобелевскую премию автору, от которой его

вынудили отказаться), В. Дудинцева («Не хлебом единым»), лауреата Нобелевской премии А. Солженицына («Один день Ивана Денисовича»), М. Шолохова (с нобелевским же «Тихим Доном»), вспомнить прозу В. Астафьева, В. Тендрякова. Новое слово было сказано и в советском кино Г. Чухраем («Баллада о солдате»), М. Хуциевым («Застава Ильича»), И. Пырьевым («Идиот»), А. Тарковским («Андрей Рублев»), М. Роммом («Девять дней одного года»), Г. Данелией («Я шагаю по Москве»), Э. Рязановым («Карнавальная ночь»), бессмертными комедиями Л. Гайдая, а фильм «Летят журавли» М. Калатозова получил единственную на сегодня «Золотую пальмовую ветвь» в Каннах. Назвать всех невозможно, в целом же, совокупность исследованных источников позволяет сделать вывод о богатой палитре сюжетов, мнений, выводов.

С другой стороны, вынуждены признать, что в подавляющем большинстве об «оттепели» рассказывают русскоязычные источники, созданные в СССР и современной России. В Казахстане данный аспект истории смело может быть отнесен к категории научных пробелов.

Результаты исследования

Архивы как незаменимые ресурсы в изучении истории.

В этой связи, как видится, особую научную ценность приобретают документы о выдающихся казахских ученых и писателях, обнаруженные среди архивных материалов бывшего КГБ Казахской ССР. На первый взгляд, за малопримечательными деталями их жизни, часто даже бытового порядка, скрыт настоящий портрет поколения, уцелевшего после сокрушительных репрессий – сохраняя клеймо бывшего осужденного, пытавшегося найти в себе силы преодолеть тяжкие испытания и вернуться к нормальной жизни. Нужно подчеркнуть, что все данные публикуются впервые и прежде не были введены в научный оборот.

Историко-политическая характеристика периода «хрущевской оттепели» глазами свидетелей эпохи.

Смерть Сталина, наделенного богоподобным ореолом, шокировала многих советских граждан, и, особенно, молодое поколение. Органы госбезопасности тщательно отслеживали общественные настроения и информировали о них Москву. Среди архивных документов сохранились впечатления преподавателя Казахского государственного университета Ф.А. Жеребятьева: «Особенно тяжело воспринимают это большое горе студенты и школьники, да и вся молодежь. Они по своей инициативе украсили бюст Иосифа Виссарионовича, установили круглосуточный почетный караул, посменно, через 10 мин». Реакцию студентов подтверждает преподавательница этого же вуза Я.Д. Серова: «Когда передали сообщение о смерти товарища Сталина, все студенты и преподаватели находились в зале. То, что там происходило, трудно передать: я никогда не забуду, как искренне рыдала эта огромная масса народа в 500-600 человек» (СГА КНБ.Ф.9.Д.1832.С.4-12).

Постепенно становилось очевидным, что созданная в 1930-е гг. политико-экономическая система СССР исчерпала возможности своего развития, породила серьезные экономические трудности, обострила социально-политическую напряженность в стране.

В ходе политической борьбы определились три ключевых претендента на власть: Г. Маленков, Л. Берия и Н. Хрущев. Характерно, что все они выступали за внесение тех или иных коррективов в политику государства. Уже в марте 1952 г. по инициативе Маленкова был поставлен вопрос о необходимости прекратить «политику культа личности». На июльском Пленуме ЦК КПСС 1953 г. был взят курс на соблюдение норм партийной жизни, от партийных организаций потребовано строгое соблюдение норм партийного руководства. Были ликвидированы особые внесудебные органы,

восстановлен прокурорский надзор за следственными органами, начался процесс реабилитации жертв политических репрессий [15, с.80].

Только во время первой волны реабилитации (1954–1962 гг.) ежегодно реабилитировали около 30 тыс человек [16, с.168-177], массовый характер этот процесс приобрел после XX съезда КПСС, на котором прозвучал призыв к борьбе с культом личности. В 1956 г. политические заключенные стали массово возвращаться из лагерей и мест ссылки. Честное имя было возвращено партийным и государственным деятелям С. Ходжанову, С. Мендешеву, С. Сейфуллину, О. Джандосову, Т. Жургенову, С. Асфендиярову, были реабилитированы и некоторые «алашордынцы» – М. Каратаев, Х. Досмухамедов, Ж. Досмухамедов, а также близкие им по духу поэты М. Жумабаев, И. Джансугуров; спустя некоторое время был оправдан Л. Мирзоян. Нередко принимались неоднозначные решения о реабилитации, в том числе и таких лиц, как бывший руководитель Казахстана Ф. Голощёкин и некоторых руководителей органов госбезопасности.

В 1950–1970 гг. во всех республиках бывшего СССР активизировалось национальное движение, среди диссидентов было много ученых, писателей, художников и поэтов. Одним из них был выдающийся историк Ермухан Бекмаханов, внесший неоценимый вклад в развитие истории казахского народа. После разгромного «рассмотрения» его научной работы ученый был уволен из университета, исключен из партии и устроился работать в сельской школе. Примечательно, что даже во времена массового психоза доносов и расправ над жертвами репрессий находились люди, сохранявшие человечность и сострадание. Один из агентов госбезопасности сообщил о таком факте проявленного внимания и заботы со стороны сотрудника Института экспериментальной биологии Академии наук Казахской ССР С. Исенжулова: *«В 1952 году я (Исенжулов, авт.) был в командировке в Нарынкольском районе, там узнал, что в школе работает Бекмаханов. Узнав, что он живет плохо, я поехал к председателю райисполкома и сказал, что нужно создать хорошие условия для Бекмаханова. После этого я встретился с ним лично, но домой к нему не зашел, так как торопился в колхозы и обещал на обратном пути заехать к нему.*

После 10–12 дней я на обратном пути заехал к нему, был у него и кушал беибармак. За мое отсутствие его вызвал к себе председатель райисполкома и помог чем мог. Тогда Бекмаханов был очень благодарен Исенжулову за дружескую услугу. После этого Бекмаханова отправили в Чуйский район, где он был арестован» (СГА КНБ.Ф.2.Д.658.С.357).

Бекмаханов был приговорен к 25 годам лишения свободы с отбыванием срока в одном из лагерей ГУЛАГа. В результате многочисленных обращений и при участии таких лиц, как историк А. М. Панкратова, его дело было пересмотрено, 16 февраля 1954 г. уголовное дело было прекращено, он был реабилитирован. Тем не менее, он продолжал находиться в поле зрения органов КГБ, один из конфиденентов которого сообщал: *«...Бекмаханов, вернувшись из заключения, характеризуется только с положительной стороны как выдержанный, культурный человек»* (СГА КНБ.Ф.2.Д.658.С.37).

Яркий, щедро одаренный природой ученый с непокорным характером найдет в себе силы продолжить, и успешно, научную деятельность на благо родины. По оценкам другого агента КГБ, *«...Бекмаханов, является одним из крупных историков Казахстана, всесторонне развитым высокоэрудированным ученым. Несмотря на относительно молодой возраст, довольно известен широкому кругу ученых не только у нас в республике, но и во всех союзных республиках. Бекмаханов благодаря своему научному дарованию пользуется большим авторитетом среди видных ученых-историков Москвы и союзных республик. Бекмаханов в связи с оценкой движения Кенесары Касымова подвергался резкой критике, обвинялся в протаскивании буржуазно-националистической*

идеологии. ...к этому факту нужно подойти критически, ибо точка зрения, защищаемая Бекмахановым в то время являлась господствующей во всей исторической науке. Бекмаханов располагает большими связями среди научных работников, в основном работающих в гуманитарных институтах, пользуется среди них известным авторитетом (СГА КНБ.Ф.2.Д.658).

Особо подчеркивался авторитет Бекмаханова среди казахской части студенчества и интеллигенции. Он характеризовался как простой, принципиальный, общительный человек. При этом «Бекмаханов серьезен, никогда не видел с его стороны легкомыслия или несерьезности» (СГА КНБ.Ф.2.Д.658).

Кроме того, особо отмечалось его положительное во многом поведение: скромность, сильный характер и самообладание: «...в те годы, когда Бекмаханов подвергался сильной критике и осуждению, он не опустил, наоборот, быстро переработал свой научный труд и несмотря на то, что имел звание доктора наук, без разговора нашел работу преподавателем в средней школе» (СГА КНБ.Ф.2.Д.658).

В органах госбезопасности были осведомлены, что «...ряд наших работников-историков Казахстана в лице Бекмаханова видят серьезного соперника и всячески стараются опорочить его» (СГА КНБ.Ф.2.Д.658.С.328).

Не случайно сам Бекмаханов называл Институт истории, где проработал заместителем директора два года, «осиным гнездом мнимых гениев», если верить М. Сарсеке [17, с.232]. Травля, развернутая коллегами и партийными функционерами до ареста, необоснованные обвинения, несправедливое наказание и сохраняющаяся подозрительность со стороны окружающих не прошли бесследно. В таких ситуациях нередко люди находили утешение в алкоголе и в компании тех, кто знал о лагерных порядках не понаслышке. Один из агентов госбезопасности считал, что Бекмаханов «...не совсем разборчив в связях. Например, может запросто общаться и проводить свое свободное время с малознакомыми людьми, ходить с ними, как замечено, в рестораны» (СГА КНБ.Ф.2.Д.658.С.330).

Среди таких знакомых оказался коллега-историк, также имевший печальный опыт пребывания «по ту стороны колючки»: «После освобождения из заключения Сулейменов Бек (назначен зав.отделом новой истории Института истории, археологии и этнокультуры АН КССР) ведет себя вызывающе: пьянствует, клеветает на честных сослуживцев, интригует их. Так, Сулейменов открыто проводит провокационную линию против Галузо и Шахматова, называя последнего колонизатором, а Галузо, - идеологом американского империализма. Несмотря на строгое предупреждение, Сулейменов и сейчас продолжает пить. Делает он это с бывшим редактором журнала «Шмель» Жумагамбетовым и Бекмахановым» (СГА КНБ.Ф.68.Д.653.Т.3).

Участь осужденного по 58-ой статье УК РСФСР дважды настигала выдающегося литературоведа, переводчика, писателя, крупного ученого в сфере истории и лингвистики, каковым был, по мнению профессора, доктора филологических наук Б. Карибаевой: «...самородок, всего в жизни добившийся сам, Сайдиль Омарович Талжанов безупречно владел художественным словом» [18]. Лагерная зона отняла у талантливого литератора почти двадцать лет жизни. Не удивительно, что после освобождения люди спешили вернуться к любимому делу. Многие из переводов выдающихся образцов мировой литературы стали спасением для Талжанова после освобождения, когда он с головой ушел в работу, чтобы оказаться в знакомом ему мире художественных слов и образов. На взгляд агентуры КГБ, литератор был послушно занят привычным делом и только: «Талжанов (Сайдиль Омарович, 1906 г.) после освобождения ...среди писательского мира пользуется авторитетом и уважением как квалифицированный переводчик высокого качества. Такие труды как произведения Достоевского не каждому доступно перевести, он взялся с охотой и в настоящее время переводит дома с русского

на казахский. Из заключения освобожден по отбытии срока, в разговоры с соседями не вступает и о себе не рассказывает» (СГА КНБ.Ф.68.Д.658.Т.4.С.39).

Между тем глубоко мыслящих людей с широким кругозором и высокой образованностью в казахском обществе сближала мечта о сохранении национальной истории родного народа. Крепкая дружба, основанная на доверии и единстве вольнолюбивых взглядов, объединяла С. Талжанова и академика Алькея Маргулана. Могли ли люди, горячо разделявшие свободомыслие «алашордынцев», избежать гонений и преследований со стороны власти в то время? Но даже отбыв незаслуженное наказание и сумев выжить в условиях северных лагерей, немалая часть бывших политических заключенных продолжала надеяться на восстановление справедливости и порушенных гражданских и человеческих прав. Показательно в этом контексте очередное донесение одного из агентов о разговорах бывшего младшего научного сотрудника Б. Жакыпбаева в апреле 1955г.: *«Приблизительно через ...я его встретила снова на улице Калинина идущим вместе с профессором Маргуланом. Оба меня остановили на улице и Жакыпбаев (правильно: Бозтай Жакыпбаев, авт.) по своей инициативе стал рассказывать о том, что многие лица ранее репрессированные в настоящее время реабилитированы, возвращаются на родину даже лица, расстрелянные в 1937 году. Он говорил, что писалось в газетах об их расстрелах, - это оказалось неправдой, так как многие оказались в живых и даже вернулись. Он стал приводить факты о возвращении якобы Жургенева Т., который уже вернулся в Кызыл-Орду и там якобы устраивается»* (СГА КНБ.Ф.68.Д.658).

Атмосферу того времени, когда о судьбах репрессированных не было известно десятилетиями, характеризуют слова того же Жакыпбаева, высказанные им с надеждой: *«Вернулся якобы Сейфуллин С., тоже на родину в Акмолинскую область* (СГА КНБ.Ф.68.Д.658). В указанной ситуации академик Маргулан, вероятно, был более осведомлен, поэтому *«оборвал его и сделал замечание, что видимо это не соответствует действительности»* (СГА КНБ.Ф.68.Д.653).

Многие годы вынужденная молчать жена репрессированного писателя Галина Сейфуллина, *«на собрании Союза писателей ...неожиданно резко выступила, хотя вообще не собиралась говорить на этом совещании. Она вообще была очень озлоблена. Выступление ее получилось нескладное, грубое. В заключение она высказала пожелание такого рода как «кровь за кровь», т.е. за смерть Сейфуллина она требовала наказание убийц»* (СГА КНБ.Ф.68.Д.656.Т.1).

Другие же люди, пострадавшие от произвола властей, до конца жизни придерживались замкнутого образа жизни, бесповоротно утратив доверие не только к партийному руководству, но и к окружению в целом. Незаслуженно подвергнутые унижениям и гонениям, надолго оторванные от обычной жизни и науки, бывшие политзаключенные находили в привычном образе жизни и радость, и утешение. Работа и любимое дело помогали справиться с тревогами и переживаниями, но избавиться от подозрительной осторожности не удавалось почти никому. Многих продолжали терзать горестные мысли о судьбе своего народа, его будущем: *«Тутенов Байкерим в 1955 году вернулся из заключения, отбыв два срока наказания. У него на квартире был Ежан Маманов, старый знакомый земляк. Тутенов и Маманов пили водку, долго беседовали. Тутенов рассказывал Ежану о своих переживаниях. Он приводил цифровые данные о численности казахов до революции и в настоящее время. Он говорил, что 50% казахов погибло от тяжелой жизни при советской власти. Тутенов пел песню М. Дулатова»* (СГА КНБ.Ф.68.С.114).

Пережитый опыт репрессивного конвейера вынуждал бывших политзаключенных, по большей части, ограничиваться общением с людьми, имевшими общее лагерное прошлое. Но и в таких случаях беседы велись с оглядкой, слишком прочно засел в

сознании вернувшихся ужас перед возможным повторением допущенного по отношению к ним произвола властей. Вот как об этом отзывается, по донесению в органы, писатель Тогузаков Касым, в 1947 г.: *«Плохо вот, что друзья побаиваются меня, поскольку я был в заключении МГБ и видимо они думают, что за мной еще следят... Мои искренние друзья Джасакпаев Кузаир – директор муздрамтехникума, Габит Мусрепов, Мухтар Ауэзов систематически помогали и помогают. Недавно Мусрепов и Ауэзов дали мне 5000 рублей, чтобы одеться. Я купил пальто и другие вещи, вот они»* (СГА КНБ.Ф.68.С.311).

Самым ярким событием 1956 г., безусловно, стал исторический доклад Н. Хрущева «О культе личности Сталина и его последствиях». Шокирующий эффект доклада вероятно был не менее сильным, чем от известия о смерти вождя в марте 1953 г. Студентка пединститута В.З. Махлева была потрясена происходившими в те дни переменами: *«Наш комендант прошел по всем комнатам и сказал, чтобы все сняли портреты Сталина. В нашей комнате висел маленький портрет «Утро нашей Родины», и тот велели снять. Просто волосы дыбом встают, ничего не укладывается в голове. Ведь 10 лет в школе и 2 года в институте нас учили любить Сталина, а тут вдруг говорят такие ужасы, что не знаешь, что делать»* (СГА КНБ.Ф.9.Д.1832.С.8).

Органы КГБ отслеживали реакцию советских граждан и на некоторые международные события: например, на подавление восстания в Венгрии в октябрь-ноябре 1956г. Личное мнение людей чаще всего отличалось от официальных оценок, но даже спустя десятилетия заметна поразительная точность наблюдений и выводов некоторых преподавателей Уральского педагогического института им. А.С. Пушкина. Так, преподаватель Бурмистров (в прошлом примыкавший к эсерам) с завистью отметил: *«На Западе не то, что у нас. Русский человек чего только не вынес на своих плечах, но терпит и молчит. А вот в Венгрии чуть стало хуже с жизнью – и восстали с оружием в руках»*. Сотрудник кафедры истории КПСС А.А. Королевский полагал, что *«венгерские события – результат глубокого недовольства народных масс, на которые чересчур крепко нажали, требуя громадных жертв во имя индустриализации. У нас положение тоже не весьма важное. Достаточно серьезных мер к улучшению материального положения народа не принимается. Да их и нельзя принять пока все силы ухлопываются на тяжелую индустрию, это неверно»*. Более жестко высказался старший преподаватель этого же института член КПСС В.И. Ивакин: *«Главная причина событий в Венгрии – наши ошибки, с которыми мы подходим к другим странам, навязывая им политику, которая во всем должна подражать политике СССР»* (СГА КНБ.Ф.9.Д.1832.С.125).

Люди, вернувшиеся из лагерного забвения, сталкивались с равнодушием и безразличием тех, кто спешил дистанцироваться от вчерашних заключенных. На этом фоне особую благодарность вызвала поддержка друзей – от сохраненного расположения и преданности до материальной помощи – по тем временам требовавшая немалой смелости. Царившая в обществе многолетняя атмосфера гнетущего страха, всеобщей подозрительности, доноительства не могли не привести к духовной трансформации, притупив в людях чувство сострадания и милосердия, столь характерное для казахского народа. Что особенно драматично – затронутой уродливыми моральными изменениями оказалась наиболее просвещенная часть общества, интеллигенция, что иллюстрируют задокументированные в документах КГБ 1956 г. факты из жизни «возвращенцев»: *«Талжанов рассказал о зависти среди казахских интеллигентов, об отсутствии правдивой оценки друг друга, сожалел об этом. Все это угробило нас и впредь будет гробить, заключил он»* (СГА КНБ.Ф.68.С.73).

«Абдуллин освободился в 1958 году по амнистии. В 1960–1977 обращался с просьбой пересмотреть его дело и реабилитировать, в просьбе было отклонено. Удостоверение участника войны у него было изъято. С учетом прошлого Абдуллина большинство творческих работников избегает близкого общения с ним» (СГА

КНБ.Ф.694.Т.№ 2). А вместе с тем, речь идет о Хамзе Абдуллине, до ареста работавшем в редакциях крупных газет журнала, выпустившим в свет два сборника стихов и поэм: *«Абдуллин видел и знал татарского поэта Мусу Джалиля....Очень плохо отзывался о бывшем работнике МГБ Сакенове, его проклинал за то, что он вел следствие односторонне, за то, что не верил свидетельским показаниям»*, но несмотря на сложные внутренние переживания и обиды, *«Абдуллин завершил работу над переводом поэмы Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре»* (СГА КНБ.Ф.694.Т.№1).

Сохранившие честь и совесть товарищи продолжали делиться сокровенным, и за этими, казалось бы, малопримечательными деталями, проглядывает жуткое время шпиономании, под гнетом которого люди из всех сил стремились жить так, словно им ничего не угрожало. После годичной ссылки за письмо Сталину о голоде в Казахстане, Габит Мусрепов был исключен из партии в 1937г. Но нашел в себе смелость выступить в защиту преследуемых властью С. Сейфулина и Б. Майлина. Классик казахской литературы на всю жизнь сохранил щеголеватость, страсть к красивой одежде и хорошей парфюмерии, с увлечением восхищался женской красотой и красавицы отвечали ему взаимностью, что подтверждают агентурные сведения: *«Мусрепов рассказал, что в прошлом году, беседу с ним тов. Шаяхметов якобы упрекнул его в том, что он, Мусрепов, много гуляет с женщинами, играет в карты. В связи с этим Мусрепов говорил: «Это моя слабая сторона. Мне кажется, эта жизнь без таких «мелочей» немыслима»* (СГА КНБ.Ф.68.С.313).

Напомним, что Ж.Ш. Шаяхметов был первым секретарем ЦК КП Казахстана с 1946 по 1954 гг. Сам факт личного контроля «литературных дел» практически первого лица в республике подчеркивает значимость, которую придавала советская власть идеологической работе с населением и тем, чьим пером эта идеология насаждалась.

Вместе с тем, талантливый во всем автор не забывал и творческих планах, не прекращая много и плодотворно работать. Благодаря сохранившимся архивным документам КГБ, некоторые из них нам известны сегодня: *«Касаясь переведенной им на казахский язык поэмы Твардовского «Василий Теркин» Мусрепов говорил, что его перевод в данное время находится у Шаяхметова вместе с его заявлением. И если вопрос с изданием не решится в его пользу, то он думает уехать в другую республику»* (СГА КНБ.Ф.68.С.315).

Времена «потепления» во внутренней политике внесли свои изменения, теперь хотя и редкие, но смелые голоса с критикой, пусть и дозированной, могли быть услышаны. В таких случаях власти возвращались «выгодные» имиджевые дивиденды, как это было с бывшим военнослужащим «Туркестанского легиона» германской армии: *«Ахметов Хаким...проявляя свою лояльность к советскому строю и советской судебной системе, заявлял, что советские органы (КГБ, авт.) ко многим бывшим изменникам Родине сделали снисхождение. В мае 1961 года он показал свой партийный билет и сказал, что восстановлен в партии, потом реабилитирован, за что он благодарен гуманности партии и советских органов»* (СГА КНБ.Ф.68.Д.656.Т.7).

Поверившие в принципиальный разворот партийного курса в сторону демократических принципов интеллигенты вновь заговорили о возвращении массовому читателю некогда запрещенных имен, чьи произведения долгие годы репрессий были вычеркнуты из официального культурного поля народа: *«...при встрече с редактором «Простора» писателем Иваном Шуховым последний рассказал, что к нему обратился доцент КазГУ Махмудов с предложением опубликовать на страницах журнала в 1966 г. произведения казахского поэта Магжана Джумабаева, ранее дважды репрессированного, ныне якобы реабилитированного»* (СГА КНБ.Ф.68.Д.656.Т.8).

Заявленные Хрущевым преобразования в стране, его первоначальные попытки путем диалога приобрести взаимопонимание и наладить сотрудничество со сложной

общественной категорией – интеллигенцией, с которой еще относительно недавно безжалостно расправлялась советская власть за малейшее инакомыслие, не могли не сказаться на настроении внутри творческой части народа. Наиболее смелые писатели и поэты, по профессиональному определению призванные служить морально-нравственным камертоном для социума, заговорили о своем призвании, оценивая идеологически значимые события, происходящие в стране. Если в период массовых репрессий настоящим гражданским подвигом для литератора было молчание и неучастие в травле и гонениях, которым подвергались неугодные власти собратья по перу, то отныне протесты и несогласие обрели голоса. Как пример, не могли не выразить своего мнения о преследованиях диссидентов ведущие литераторы Казахстана: «...зав.редакции русской литературы издательства «Жазушы» Семашко, зав.отделом журнала «Простор» Ровенский и поэт Александр Лемберг в открытой и резкой форме выражали недовольство по поводу выступления М. Шолохова на XXIII съезде. По их мнению, Шолохов совершил очень грубую, недопустимую ошибку тем, что в своей речи осудил сторонников и защитников Синявского и Даниэля. Притом Семашко доказывал: «Шолохов оскандалился на весь мир, будущее человечество не прости тему этого. Эта речь на съезде, – это пятно, которое ему никогда не смыть. Позор!».

Семашко назвал Шолохова испившимся негодяем. Заявил, что для них (Семашко, Лемберга, Ровенского) Шолохов больше не существует, потому они собрали его произведения и выслали ему (Шолохову) по почте в знак протеста против произнесенной им речи» (СГА КНБ.Ф.68.Д.656.Т.2).

Интересно, что такая форма протеста практиковалась не только в Казахстане, но и в других городах Советского Союза, многочисленными посылками с книгами Шолохова было завалено почтовое отделение по месту его жительства [19, с.216].

Среди сотен ярких биографий «оттепели» встречается имя Якова Варшавского, с 1920-х гг. несколько десятилетий отбывавшего ссылку в Казахстане. Как показывают архивы госбезопасности, все это время он провел более чем плодотворно. В органах КГБ была известна его репутация «литературного раба»: «...Стрелкова Ирина-литработник отдела культуры в присутствии завотделом Германа заявила, что большинство диссертаций, сделанных в Казахстане, написаны не авторами их, а за определенную плату Варшавским. Так, например, он написал о Кенесары вначале в одном плане, а после критики, последовавшей после обнародования этой работы, написал разгромную работу на ранее написанное им же. ...Варшавский не только помогал Бекмаханову в написании книги «Казахи в 20-40гг», но и составил ему целые главы. Об этом Бекмаханов заявил в предисловии к книге, выразив благодарность Варшавскому.

...Корреспондент «Литературной газеты» писатель К.Сатыбалдин для корреспондирования в Москву пользуется услугами Варшавского. Общеизвестен способ зарабатывания Варшавским – литературное оформление трудов товарищей, плохо владеющих русским языком». Кроме того, «...Варшавский работал над докторской диссертацией ныне посаженного Исмаилова и очень был встревожен, что за сделанную работу не сумеет получить деньги, так как к нему после ареста приходила жена и сказала, что ей пока платить нечем. ...Варшавский работал над историей г.Верный (Алма-Ата)» (СГА КНБ.Ф.68.Д.370.Т.4).

Справедливости ради нужно отметить, что столь «специфическую» творческую деятельность бывший сотрудник Коминтерна Я. Варшавский продолжил и после освобождения, вернувшись в Москву, где трудился над выполнением заказов менее одаренных авторов [19, с. 139].

Возвращаясь к специфике времени, неслучайно названного «оттепелью», следует отметить факты пробуждения гражданской сознательности и самоуважения людей. Так, любопытно содержание анонимного письма из Казахстана, адресованного Н.С. Хрущеву:

«Наш народ хочет жить мирно и культурно, хочет жить с достатком. Хочет иметь квартиру с ванной, чтобы это было не только у вас» (СГА КНБ.Ф.68.Д.370.Т.4). Подобные желания расценивались в качестве «антисоветской агитации», в Алма-Ату поступила ориентировка для установления и проверки автора. Он был установлен и профилактирован, о чем в январе 1958г. был информирован секретарь ЦК КП Казахстана Беляев (СГА КНБ.Ф.68.Д.398.Т.4).

Надо ли говорить о том, что послабление государственного режима вызвало к жизни и обострение межличностных противоречий в творческой среде, понятных любому смертному. Несмотря на порою конфликтный характер взаимоотношений подобного рода даже такие, казалось бы, заурядные проявления эмоциональности, как несогласие с мнением коллеги, профессиональные споры, расхождения во мнениях по вопросам искусства и культуры, претензии на первенство, в этот период тоже стали чертами времени с его сложной политической обстановкой, когда, с одной стороны, была объявлена борьба с культом Сталина, а с другой стороны, государство не желало ослаблять идеологическую хватку над «инженерами человеческих душ». Согласно архивным данным, *«взаимоотношения между известными казахскими писателями Сабитом Мукановым и Мухтаром Ауэзовым значительно обострились. ... Муканов демонстративно холоден к Ауэзову, что выразилось в том, что он не поздравил Ауэзова с присуждением ему Ленинской премии. В свою очередь, Ауэзов недавно отказался поставить свою подпись под поздравительной телеграммой по случаю награждения Муканова орденом Ленина.*

...По мнению ряда лиц, основным виновным в этом является С. Муканов, который считает себя чуть ли не основоположником казахской советской литературы и потому скептически относящийся к популярности Ауэзова» (СГА КНБ.Ф.68.Д.656.Т.1).

Литература, как чуткий барометр, стала отзываться на новое веяние времени – почувствовав возможность творческой и личностной свободы, некоторые авторы взялись за художественное осмысление пережитой народом трагедии. В органах КГБ знали о таких планах: *«писатель Зеин Шашкин закончил пьесу о произволе 1937 года. ...Зеин Шашкин приступил к написанию большого романа о культе личности. Карагандинский писатель Жаик Бектуров закончил объемистое (900 стр) мемуарное произведение о виденных им фактах, событиях в тюрьме, лагерях в период культа личности. Поэт Шахан Мусин рассказал, что им закончен целый цикл стихотворений о пережитых им в лагерях страданиях. Известно, что о культе личности собираются написать Габит Мусрепов, Калтай Мухамеджанов» (СГА КНБ.Ф.68.Д.656.Т.1).*

Власть с тревогой стала отмечать в стране признаки набирающей обороты молодежной субкультуры, усмотрев в стремлении ярко одеваться, слушать зарубежную музыку и танцевать под нее «враждебное влияние Запада». На борьбу со стилями (так прозвали приверженцев новой моды) срочно была мобилизована суровая часть молодежи с высокой сознательностью и советской моралью – комсомольцы, работники заводов и фабрик. По данным КГБ, *«за последнее время в Алма-Ате и ряде городов республики отмечается увлечение некоторой частью молодых людей (главным образом, морально опустившихся), - т.н. «стиляжничеством», которые ведут себя непристойно, по различным предлогам устраивая вечеринки. На этих сборах они распивают спиртные напитки и устраивают вульгарные танцы, такие как «вуги-вуги», рок-н-ролл, «чито». Эти вечеринки, называемые стилями «бардаками», оканчиваются нередко вступлением в половые отношения. О «культуре» этих стилиг свидетельствует хотя бы такой случай: после распития спиртных напитков участница вечеринки исполнила «вуги-вуги» на сундуке.*

Факты говорят о том, что моральное падение некоторых молодых людей ведет к их политическому разложению. Некоторые лица из числа стилиг ведут антисоветские

разговоры, восхваляя американский образ жизни, культуру в западно-европейских капиталистических странах. В Чимкентском технологическом институте группа студентов именовала себя «Корпорацией современной молодежи». Наряду с аморальными проявлениями они слушали антисоветские зарубежные радиопередачи «Голос Америки», «Би-Би-Си», восхваляют западную демократию, опошляя все советское» (СГА КНБ.Ф.68.Д.656.Т.1).

Уроки истории, не утратившие актуальность.

Молодежная среда не была однородной и далеко не стилиги определяли ее сущность в 1960-е годы. С точки зрения исторической ретроспективы ярким событием в ней стали появление и деятельность общественного объединения «Жас тулпар», инициатором создания которого был Мурат Ауэзов.

По данным КГБ Казахстана, «Жас-Тулпар» (орфография сохранена, авт.) был создан в Москве студентами-казахами с целью помочь друг другу в учебе и быту, т.к. некоторые студенты, поступив в институт, не занимались, стипендию свою пропивали. А потом решили создать ансамбль, чтобы в каникулярное время выехать с концертами в одну из областей Казахстана. Подготовившись, они участвовали в Москве в городском смотре художественной самодеятельности, где заняли призовое место.

Летом они посетили Джамбульскую, Чимкентскую области. Ауэзов Мурат говорил, что ансамбль дал несколько концертов в районах этих областей, в составе их были и лекторы. По его словам, они видели много архитектурных памятников, которые никем не охраняются, что чабаны живут в затруднительных условиях, где в некоторых местах нет даже врачей, что жители совхозов говорили о том, что столичные артисты к ним очень редко приезжают. Он говорил, что среди народа еще много несобранных фольклорных произведений и народных мелодий» (СГА КНБ.Ф.2.Д.656.Т.12).

По мере углубления в изучение прошлого Казахстана с его сложной историей, полной испытаний и тягот, молодежь формировала собственные убеждения и взгляды, характеризующиеся принципиально иной от принятых норм советской идеологии оценкой. Далеко не случайно лидером молодежного крыла на первых порах малочисленного, но качественно нового движения с четко обозначенным национальным самосознанием стал сын активиста, чьи взгляды были тесно переплетены с идеями «Алаш орды», в чем немалая заслуга исторической преемственности памяти народа. Агенты КГБ оценивали его уважительно: «Сын Мухтара Ауэзова, он собирает около себя всех студентов-казахов. Все студенты-казахи, которые учатся в Москве и даже Ленинграде, считают его своим вожаком и слушают». «... Еще до поездки в Москву я знал, что М.Ауэзов – душа компании. Некоторые удивлялись, как ему не лень ходить всех оповещать, собирать» (СГА КНБ.Ф.2.Д.656.Т.12).

Молодые люди, объединенные общими идеями возрождения национальной культуры, развития казахского языка, сплоченности и взаимовыручки, во многом прислушивались к занявшему лидерские позиции М.Ауэзову, который считал, что главные задачи возглавляемой им деятельности «должны состоять в пропаганде казахского музыкального, изобразительного искусств, охрана исторических архитектурных памятников по примеру московской организации «Родина», выявление народных талантов, насаждение национальной культуры, сборе народного устного творчества, сохранении чистоты казахского языка» (СГА КНБ.Ф.2.Д.656.Т.12). Мурат Ауэзов как-то «собрал митинг (до 200 человек) на могиле Гани Муратбаева [20] (на Ваганьковском кладбище, Москва, авт.). Были речи и т.д.», тогда же обратил внимание присутствовавших на то, что «могила забыта, не ухожена» (СГА КНБ.Ф.2.Д.656.Т.12).

Очевидно, что после получения тревожившей КГБ Казахстана информации о деятельности в Москве «Жас тулпара» из Алма-Аты в столицу СССР был направлен

агент. Не ограничившись предоставлением после возвращения детальной информации о «Жас тулпаре» и находясь под глубоким впечатлением от общения с лидерами объединения, он с нескрываемым восхищением рассказывал о них: «... в комнате Мурата Ауэзова я застал человек 1—12 ребят, сидевших на кроватях и стульях. За столом находился незнакомый парень, который делал доклад о демографических характеристиках казахского народа (количестве мужчин, женщин, детей, рождаемости, смертности, расселении и пр.). Доклад был блестяще подготовлен, объективен, идеологически выдержан, чувствовалась всесторонняя подготовка эрудиция, политическая грамотность докладчика. После рассказа задавали вопросы, обсуждались отдельные положения доклада, чувствовался общий интерес. Мне доклад очень понравился.

...В следующий четверг Тайжанов делал доклад о государстве, его признаках, о структуре дипломатической службы, правах и обязанностях посольств и консульств. Постепенно перешел на права и обязанности союзных республик как суверенных членов Советского Союза» (СГА КНБ.Ф.2.Д.656.Т.12).

Агент общался с «жастулпаровцами» продолжительное время, это позволило ему составить подробные характеристики, имеющие особое значение спустя многие десятилетия: «М. Ауэзов и Б. Тайжанов очень умные и развитые ребята, пользуются уважением. ...В активной оппозиции к ним находится М. Гильманов – аспирант биохимии, он часто и горячо спорит с Ауэзовым и Тайжановым. В пассивной оппозиции находится сосед Ауэзова по комнате М. Жусупов. Он весьма скептически относится ко всем этим разговорам, молчалив и просто не приходит на собрания. Он пользуется большим уважением у аспирантов и его отсутствие играет определенную роль.

В отношении Булатхана Тайжанова: окончил институт международных отношений. Специалист по экономике арабских стран. Работал переводчиком в нашем консульстве в ОАР. Очень начитан. Веселый, общительный, остроумный собеседник. Пользуется авторитетом у окружающих. Склад мышления иронический, трезвый. Хорошо говорит. Знает, что можно говорить, и что нельзя. Умеет увлечь слушателей. Любит быть среди людей. Может много пить, не пьянея.

В отношении Мурата Ауэзова: Изучает казахскую литературу. Очень развитый, много знает, весьма начитан. Женат, имеет дочь, о которой любит говорить. Пользуется большим авторитетом. Хорошо разбирается в людях. Может точно охарактеризовать человека. Временами очень вспыльчив, при этом может наговорить все что угодно. Склонен к обобщениям, но только тщательно разобравшись с событиями» (СГА КНБ.Ф.2.Д.656.Т.12).

Получив первичную информацию в отношении «Жас тулпара», органы госбезопасности продолжали оперативное наблюдение, тем более что поводов для этого было достаточно: «В период зимних каникул в начале февраля с.г. в г.Алма-Ате находились некоторые участники творческого объединения «Жас-Тулпар», состоящего из казахской молодежи, обучающейся в вузах Москвы, Ленинграда, Украины и Прибалтики. В частности: Мурат Ауэзов – аспирант восточного факультета МГУ, председатель «Жас-Тулпара»; Тайжанов Болатхан – студент института международных отношений; Ибраев Шамиль – студент Рижского авиационного института; Сулейменов Тимур – студент одного из ленинградских вузов; Коспанов Сарсенгали – студент Ленинградского электротехнического института им.Ульянова; Сембин Амнгельды – студент Московской консерватории им.Чайковского; Сметаев Сона – студент Московского института связи.

8-9 февраля в гор. Алма-Ата проведены 3 встречи с представителями казахской молодежи города, в которых также принимали участие некоторые алматинские писатели, журналисты, художники и студенты, прибывшие по приглашению Ауэзова и

др. из Чимкента, Караганды, Семипалатинска. Количество участников колебалось от 10-20 до 100-200 человек» (СГА КНБ.Ф.2.Д.656.Т.12).

Некоторые бдительные свидетели этих творческих встреч считали, что «участники «Жас-Тулпара» некоторые вопросы о национальной культуре в Казахстане рассматривали с ошибочных, политически вредных позиций. Ауэзов в своем выступлении говорил: В 1937 году и раньше были уничтожены лучшие люди, лучшие представители казахской интеллигенции, которые могли бы создать огромную культуру. В 1932 году погиб миллион казахов, среди них погибло много талантливых людей. Молодежь наша должна обо всем этом знать и помнить. У нас все есть, но нет у нас такого, чтобы мы могли объединиться, обмениваться мнениями за круглым столом, беседовать, чтобы думать и совместно решать проблемы национальной культуры, говорить о литературе, о казахской жизни, дискутировать. Все традиции и обычаи наших отцов и дедов забыты. Нет ни одежды у нас национальной, ни национальных костюмов.

На другой встрече 9 февраля Ауэзов заявил, что до нынешнего нашего поколения у казахского народа не было ни своей национальной интеллигенции в полном смысле этого слова и только теперь молодая национальная интеллигенция внести свой вклад. Он утверждал, что в народе якобы накопилось немало недовольства» (СГА КНБ.Ф.2.Д.656.Т.12).

Например, выверенной с партийной линией позиции придерживался член партбюро Б. Аманшин: «...я не согласен с выражением М. Ауэзова, что именно «интеллигенция должна вести свой народ вперед». У нашего общества есть только одна ведущая сила, это коммунистическая партия, основу которой составляет пролетариат как самый революционный класс» (СГА КНБ.Ф.2.Д.656.Т.12).

Сравнивая ситуацию в Казахстане с другими республиками СССР, «...Ибраев отметил, что в Риге обучается более 50 студентов-казахов. Иногда они собираются, делятся мнениями, обсуждают будущее своего народа, и на их настроения удручающе влияет то, что испытывает наш родной язык. Мало казахских школ в республике и в ее столице». В том время как в «маленькой Латвии в школах и вузах все ведется на родном языке. Даже в отделении телемеханики лекции читают на латышском языке, тогда как в Казахстане нет учебников на казахском языке для студентов вузов» (СГА КНБ.Ф.2.Д.656.Т.12).

К кардинально новой политической позиции молодежи довольно ревностно относились некоторые представители «старой гвардии». Прожив под идеологическим гнетом десятилетий прошлого в составе СССР с его моделью «советского гражданина» вне национальных различий, маститые авторы углядели угрозу зарождающегося национализма.

В частности, творческое мероприятие «Жас тулпара» посетил известный писатель Сабит Муканов, поделившийся впечатлениями с одним из конфиденентов КГБ: «как рассказал С. Муканов, Мурат Ауэзов приводил цифры, показывающие на изменение рождаемости казахского населения. М. Ауэзов еще говорил, что якобы у нас в Казахстане казахский язык не в почете, что, мол, интеллигенция не знает свой родной язык. Культура казахского народа тоже не собирается». Опытный Муканов сразу понял и оценил новаторство молодого поколения, увидев в нем потенциальные риски: «...идеологические ошибки прошлых лет, допущенные на страницах «Жулдуз» и «Лен.Жас», затем попытки некоторых лиц (Х. Махмұтов, Х. Абдуллин, О. Сулейменов, Т. Ахтанов и др.) воскресить имя и творчество Мағжана Жұмабаева и эти выступления «жас-тулпаровцев», – единая цепь, они имеют общую идеологическую связь, – скрытый, замаскированный национализм» (СГА КНБ.Ф.2.Д.656.Т.12).

Несмотря на эти опасения именитого литератора, агент сообщил офицеру КГБ, что «...из выступления М. Ауэзова у меня в целом сложилось впечатление, что участниками

клуба «Жас-Тулпар» двигают только благие намерения, что они хотят помочь поднять национальную культуру» (СГА КНБ.Ф.2.Д.656.Т.12).

Информация о деятельности «Жас тулпара» быстро распространялась в студенческой среде, обсуждалась среди творческой интеллигенции.

Об организации участниками «Жас тулпара» встреч в Алма-Ате Комитетом госбезопасности был проинформирован Центральный Комитет (ЦК) Компартии Казахстана. В свою очередь, *«ЦК по этому поводу провел совещание с руководителями союзов писателей и журналистов, вузов, комсомольских органов и вызвал на беседы некоторых писателей, выступавших на встречах»* (СГА КНБ.Ф.2.Д.656.Т.12).

Активисты были «профилактированы» соответствующими структурами и вынуждены были прекратить деятельность: *«Мурат заявил, что их вызывали в КГБ, но в общем и целом участники этой организации остались верными идеям «Жас-Тулпара»* (СГА КНБ.Ф.2.Д.656.Т.12).

Заключение

С высоты сегодняшнего дня.

В завершение хотелось бы обратить внимание на следующие аспекты, представляющие интерес в процессе национального строительства:

– особенностью архивных сведений органов госбезопасности является некоторый субъективизм, связанный с использованием информации конфиденентов КГБ. С другой стороны, многие из таких сообщений имеют неформальный, более «живой» характер, позволяющий даже спустя десятилетия увидеть не просто известную личность, а рассмотреть живые черты обычных людей, с их достоинствами и недостатками, понятными всем и каждому. По нашему мнению, такая «персонализация» имен будет способствовать усилению интереса среди молодежи к прошлому своего народа, представленной в лицах. В этой связи сам собой напрашивается вывод о жизненно важной необходимости продолжать исторические исследования в этом направлении, углубляя архивные знания;

– по оценкам некоторых современных экспертов, в 1960-е гг. «национальные движения возникли и активно развивались во всех республиках – в Украине, Грузии, в Армении, Прибалтике, в меньшей степени, в Казахстане и Средней Азии, а также Белоруссии и Молдавии» [15, с.96].

Показательно, что в условиях нашей республики инициатором новых идей и их движущей силой стала именно молодежь и ее лучшие представители. Их горячие сердца, неравнодушие, искреннее желание изменить ситуацию для своего народа мало кого оставляли безучастными. Под обаяние «Жас тулпара» попадали в том числе агенты органов госбезопасности, один из которых с восхищением рассказывал о Мурате Ауэзове: *«У меня сложилось впечатление, что Ауэзов считает долгом своей жизни решать национальные вопросы». Еще один из лидеров объединения, Тайжанов считал, «что многие из аспирантов умные ребята, и, возможно, со временем займут ответственные посты» и считал это особенно важным потому, что они смогут «предотвратить расхищение национальных богатств»* (СГА КНБ.Ф.2.Д.656.Т.12).

Сегодня современной молодежи как никогда нужны нравственные ориентиры, личности, на которых они могли бы равняться, опираясь на историческую память народа. Полагаем, в качестве таковых, безусловно, может выступать «Жас тулпар» и его руководитель Мурат Ауэзов, на протяжении всей жизни доказывавший приверженность национальным ценностям и идеалам;

– по мере знакомства с архивными материалами периода оттепели невольно возникают вопросы: как, почему в условиях тоталитарного режима появлялись и действовали такие неординарные молодежные группы как «Жас тулпар»? С чем связана такая инициативность, способность к самоорганизации, упорство, настойчивое

стремление к переменам в обществе? Ведь мы отдаем себе отчет в том, что М. Ауэзов вполне мог наслаждаться обеспеченной жизнью, купаясь в лучах славы именитого отца. Однако он предпочел более беспокойную деятельность, оставшись в народной памяти настоящим патриотом.

По нашему мнению, в современных условиях в молодежной, и, в частности, в студенческой среде Казахстана как никогда не хватает новых «жастулпаровцев». Смелых, сильных, профессионально подготовленных, с государственным немеркантильным мышлением, искренне переживающих за будущее Казахстана, – государство должно принять меры для их появления и развития.

Благодарности

Работа поддержана научной программой «Исследование исторической памяти населения и политики национального строительства в Казахстане за годы Независимости» ПЦФ МНВО РК (BR21882266), осуществляемой на базе Научного института изучения Улуса Джучи.

ЛИТЕРАТУРА

Архивы: СГА КНБ – Специальный государственный архив Комитета национальной безопасности Республики Казахстан (СГА КНБ).

- [1] В.Н. Земсков Сталин и народ. Почему не было восстания. М.: Блок-Принт, 2024.– 192 с.
- [2] А.А. Фокин «Развернутое строительство коммунизма»: наследие сталинизма и новшества «оттепели» /Материалы VIII межд.научной конференции Екатеринбург, 2015. М.: Политическая энциклопедия, 2016. – 663 с.
- [3] А.Е. Локшин Вступая в «оттепель», М.: Политическая энциклопедия, 2016. – 663 с.
- [4] О.Н. Калинина Советская номенклатура и трансформация системы внутрикорпоративной охранительности в годы хрущевской «оттепели». М: Политическая энциклопедия, 2016. – 663 с.
- [5] А.В. Захарченко От сталинского лагерно-промышленного комплекса – к распаду экономики принудительного труда. М.: Политическая энциклопедия, 2016. – 663 с.
- [6] Г.В. Костырченко Хрущев и творческая интеллигенция в послесталинские 1950-е гг. М.: РОССПЭН, 2016. – с. 663
- [7] И.Б. Орлов Через «железный» занавес: десталинизация в сфере советского выездного туризма. М.: РОССПЭН, 2016.– с. 663
- [8] В.В. Тихонов Посттравматический синдром: идеологические кампании «позднего сталинизма» в корпоративной памяти историков. М.: РОССПЭН, 2016. – с.663
- [9] О. Хлевнюк, Й. Горлицкий Секретари. Региональные сети в СССР от Сталина до Брежнева. М.: Новое литературное обозрение, 2024. – с.432
- [10] В. Хаустов, Л.Самуэльсон Сталин, НКВД и репрессии 1936-1938 гг.. М.: РОССПЭН, 2009. – с.432
- [11] В.С. Христофоров История советских органов госбезопасности 1917-1991 гг.: учебное пособие/ отв.ред. Е.И. Пивовар. М.: РГГУ, 2019. – с. 438
- [12] Д. Кунаев О моем времени. От Сталина до Горбачева. А.: Meloman Publishing, 2023. – с.378
- [13] И. Серов Записки из чемодана / Под ред., с прим.и коммент. А. Хинштейна. М.: Просвещение, 2024. – с. 704
- [14] В.Е. Семичастный Спецслужбы СССР в тайной войне. – М.: Родина, 2023. – с. 496
- [15] А.Г. Петров Типология репрессий в СССР: опыт историко-правового анализа. М: ЦГЛ «РОН», 2004г., – 308с.
- [16] В.М. Кириллов «Репрессивные акты «позднего сталинизма» / После Сталина, материалы VIII межд.науч.конференции. Екатеринбург, 2015 г. М.: Политическая энциклопедия, 2016. – с. 663
- [17] М. Сарсеке «Бекмаханов». М.: Молодая гвардия. А.:Фолиант, 2010. 533с.

[18] Б. Карибаева «В его судьбе – история народа» / Индустриальная Караганда, 16 сентября 2006 г. URL: <https://proza.ru/2013/11/09/1163> (дата обращения 6.01.2025)

[19] А. Васькин Повседневная жизнь советских писателей. М.: Молодая гвардия, 2022. – с.544.

Комментарии.

[20] Один из организаторов комсомола Средней Азии и Казахстана, деятель ВЛКСМ, Коммунистического интернационала молодежи, Компартии Туркестана и ТуркАССР

REFERENCES

Arkhiy: SGA KNB – Spetsial'nyi gosudarstvennyi arkhiv Komiteta natsional'noi bezopasnosti Respubliki Kazakhstan (SGA KNB). [Archives: SGA KNB – Special State Archive of the National Security Committee of the Republic of Kazakhstan (SGA KNB)]

[1] V.N. Zemskov Stalin i narod. Pochemu ne bylo vosstaniia. M.: Blok-Print, 2024. – 192 s. [V.N. Zemskov Stalin and the People. Why There Was No Uprising. M.: Blok-Print, 2024. – 192 p.]

[2] A.A. Fokin «Razvernutoe stroitel'stvo kommunizma»: nasledie stalinizma i novshestva «ottepeli» /Materialy VIII mezhd.nauchnoi konferentsii. Ekaterinburg, 2015. M.: Politicheskaiia entsiklopediia, 2016. – 663 s. [A.A. Fokin “Expanded Construction of Communism”: The Legacy of Stalinism and Innovations of the “Thaw” /Proceedings of the VIII Int. Scientific Conference. Ekaterinburg, 2015. M.: Political Encyclopedia, 2016. – 663 p.]

[3] A.E. Lokshin Vstupaya v «ottepel'», M.: Politicheskaiia entsiklopediia, 2016. – 663 s. [A.E. Lokshin Entering the “Thaw”, M.: Political Encyclopedia, 2016. – 663 p.]

[4] O.N. Kalinina Sovetskaiia nomenklatura i transformatsiia sistemy vnutrikorporativnoi okhranitelnosti v gody khrushchevskoi «ottepeli». M.: Politicheskaiia entsiklopediia, 2016. – 663 s. [O.N. Kalinina Soviet Nomenklatura and the Transformation of the Intra-Corporate Security System During Khrushchev's “Thaw”. M.: Political Encyclopedia, 2016. – 663 p.]

[5] A.V. Zakharchenko Ot stalinskogo lagerno-promyshlennogo kompleksa – k raspadu ekonomiki prinuditel'nogo truda. M.: Politicheskaiia entsiklopediia, 2016. – 663 s. [A.V. Zakharchenko From Stalin's Camp-Industrial Complex to the Collapse of the Forced Labor Economy. M.: Political Encyclopedia, 2016. – 663 p.]

[6] G.V. Kostyrchenko Khrushchev i tvorcheskaiia intelligentsiia v poslestalinskie 1950-e gg. M.: ROSSPEN, 2016. – s. 663 [G.V. Kostyrchenko Khrushchev and the Creative Intelligentsia in the Post-Stalin 1950s. M.: ROSSPEN, 2016. – 663 p.]

[7] I.B. Orlov Cherez «zheleznyi» zaves: destalinizatsiia v sfere sovetskogo vyeznogo turizma. M.: ROSSPEN, 2016. – s. 663 [I.B. Orlov Through the “Iron” Curtain: Destalinization in Soviet Outbound Tourism. M.: ROSSPEN, 2016. – 663 p.]

[8] V.V. Tikhonov Posttravmaticheskii sindrom: ideologicheskie kampanii «pozdnego stalinizma» v korporativnoi pamiati istorikov. M.: ROSSPEN, 2016. – s. 663 [V.V. Tikhonov Post-Traumatic Syndrome: Ideological Campaigns of “Late Stalinism” in Historians' Corporate Memory. M.: ROSSPEN, 2016. – 663 p.]

[9] O. Khlevniuk, I. Gorlitskii Sekretari. Regional'nye seti v SSSR ot Stalina do Brezhneva. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2024. – s. 432 [O. Khlevnyuk, J. Gorlitsky Secretaries. Regional Networks in the USSR from Stalin to Brezhnev. M.: New Literary Review, 2024. – 432 p.]

[10] V. Khaustov, L. Samu'el'son Stalin, NKVD i repressii 1936–1938 gg. M.: ROSSPEN, 2009. – s. 432 [V. Khaustov, L. Samuelson Stalin, the NKVD and the Repressions of 1936–1938. M.: ROSSPEN, 2009. – 432 p.]

[11] V.S. Khristoforov Istoriia sovetskikh organov gosbezopasnosti 1917–1991 gg.: uchebnoe posobie / Otv. red. E.I. Pivovar. M.: RGGU, 2019. – s. 438 [V.S. Khristoforov History of the Soviet State Security Agencies 1917–1991: A Textbook / Ed. by E.I. Pivovar. M.: RSUH, 2019. – 438 p.]

- [12] D. Kunaev O moem vremeni. Ot Stalina do Gorbacheva. A.: Meloman Publishing, 2023. – s. 378 [D. Kunaev About My Time. From Stalin to Gorbachev. A.: Meloman Publishing, 2023. – 378 p.]
- [13] I. Serov Zapiski iz chemodana / Pod red., s prim. i komment. A. Khinshteina. M.: Prosveshchenie, 2024. – s. 704 [I. Serov Notes from the Suitcase / Edited with annotations and comments by A. Khinshtein. M.: Enlightenment, 2024. – 704 p.]
- [14] V.E. Semichastnyi Spetssluzhby SSSR v тайной войне. – M.: Rodina, 2023. – s. 496 [V.E. Semichastny USSR Intelligence Services in the Secret War. – M.: Rodina, 2023. – 496 p.]
- [15] A.G. Petrov Tipologiya repressii v SSSR: opyt istoriko-pravovogo analiza. M.: TsGL «RON», 2004 g., – 308 s. [A.G. Petrov Typology of Repressions in the USSR: A Historical-Legal Analysis. M.: TsGL "RON", 2004. – 308 p.]
- [16] V.M. Kirillov Repressivnye akty «pozdnego stalinizma» / Posle Stalina, materialy VIII mezhd.nauch.konferentsii. Ekaterinburg, 2015 g. M.: Politicheskaya entsiklopediya, 2016. – s. 663 [V.M. Kirillov Repressive Acts of “Late Stalinism” / After Stalin, Proceedings of the VIII Int. Scientific Conference. Ekaterinburg, 2015. M.: Political Encyclopedia, 2016. – 663 p.]
- [17] M. Sarseke «Bekmakhanov». M.: Molodaia gvardiya. A.: Foliant, 2010. 533 s. [M. Sarseke “Bekmakhanov”. M.: Young Guard. A.: Foliant, 2010. – 533 p.]
- [18] B. Karibaeva «V ego sud’be – istoriya naroda» / Industrial’naya Karaganda, 16 sentiabria 2006 g. URL: <https://proza.ru/2013/11/09/1163> (data obrashcheniya 6.01.2025) [B. Karibayeva “In His Fate – the History of a Nation” / Industrial Karaganda, September 16, 2006] Kommentarii. [Comments.]
- [20] Odin iz organizatorov komsomola Srednei Azii i Kazakhstana, deiatel’ VLKSM, Kommunisticheskogo internatsionala molodezhi, Kompartii Turkestana i TurkASSR [One of the founders of the Komsomol in Central Asia and Kazakhstan, activist of the Komsomol (VLKSM), Communist Youth International, Communist Party of Turkestan and the Turkestan ASSR]

Сергалиев М.Х.

ТАРИХИ ЖАДЫ: ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ «ЖЫЛЫТУ»

Аңдатпа. Осы жарияланымда бұрынғы Қазақ КСР КГБ-ның мұрағаттық материалдарының негізінде Қазақстандағы десталинизациялау кезеңіндегі «жылыну» деп аталатын аз белгілі (белгісіз) аспектілері ашылады. Құпиясыздандырылған құжаттардың арқасында оқырмандарға біздің белгілі және онша танымал емес отандастарымыз туралы түсініктерді кеңейтуге, оларды кейде күтпеген жерден көруге мүмкіндік беріледі. Мұрат Әуезов бастаған «Жас тұлпар» студенттік қоғамдық бірлестігінің 1960 жылдардағы қызметіне ерекше назар аударылды (1 қаңтар 1943 ж. - 14 маусым 2024 ж.)

Кілт сөздер: жылыту; Бекмаханов; тарихи жады; қуғын-сүргін; Жас тұлпар; Мұрат Әуезов; саяси тарих.

Sergaliyev Maksot

HISTORICAL MEMORY: THE «THAW» IN KAZAKHSTAN

Annotation. This publication, based on the archival materials of the former KGB of the Kazakh SSR, reveals little-known (unknown) aspects of the so-called «thaw» - the period of de-Stalinization in Kazakhstan. Thanks to declassified documents the reader is given the opportunity to expand the ideas about our famous and not so famous compatriots, to see them sometimes in an unexpected perspective. Special attention is paid to the activity in the 1960s of the student public association «Zhas Tulpar» headed by Murat Auezov (January 1, 1943 - June 14, 2024).

Keywords: thaw; Bekmakhanov; historical memory; repressions; Zhas tulpar; Murat Auezov; political history.